

ЦИКЛЫ И ВОЛНЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

А.В. Дзех, Д.В. Котелевский

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМА

Аннотация. Предмет работы – концепции природы и человека в работах авторов – представителей энвайронментализма и тех философов и социологов, идеи которых оказались включены в контекст энвайронменталистской мысли. Цель работы – показать то, каким образом данные авторы решают задачу преодоления классической мыслительной оппозиции природы и культуры, что позволяет представителям данного направления с новых позиций увидеть всю систему человеческой деятельности и перспективы развития общества. В работе освещаются основные узловые точки и «действующие лица» в истории энвайронментализма. Значительное внимание в работе уделяется рассмотрению особенностей новоевропейского понимания природы, во многом определившего способ существования европейского человека и логику развития практически всех элементов общественной жизни. Далее показывается, как новоевропейская модель понимания мира, построенная на основе субъект-объектной модели, преодолевается в современной энвайронменталистской мысли. Особое внимание уделяется в работе рассмотрению философских оснований новых способов понимания природы в энвайронментализме, освещаются основные споры, ведущиеся в энвайронментализме на эту тему.

В работе используются сравнительный метод, системный метод, исторический подход, социально-философский анализ, а также общенаучные методы.

Новизна работы состоит в актуализации и описании философских оснований энвайронментализма, которые в настоящий момент далеки от завершенности и представлены несколькими имеющими свои достоинства и недостатки программами. Сделан вывод, что в рамках энвайронментализма идёт активный процесс поиска и формулирования новых принципов существования человека и общества, подразумевающих новые способы понимания отношений между человеком и природой и новые виды социальные деятельности, включающие природу в иные контексты деятельности человека. Показано, что в современной энвайронменталистской мысли идёт активный процесс поиска новых философских оснований развития общества и человека, выражающийся в дискуссиях, затрагивающих весь комплекс философских проблем. Работа может быть использована в общем курсе философии, в курсе культурологии, она может быть интересной социологам, представителям философии науки, для экологов она будет интересна возможностями проработки на основе теоретических положений новых практических задач.

Ключевые слова: субъект-объектная ориентация, бинарные оппозиции, натурализм, энвайронментализм, акторно-сетевая теория, новоевропейская культура, человек, культура, гибридность, природа.

Abstract. The subject of this article is the concepts of nature and human in the works of the authors – representatives of environmentalism, and the philosophers and sociologists whose ideas were included into the context of the environmentalistic thought. The goal of this research is to demonstrate how these authors solve the task of overcoming the classical cognitive opposition of nature and culture, which allows the representatives of such direction to observe the entire system of human activity and the prospects of social development from the new angle. Special attention is given to the examination of the peculiarities of the modern European understanding of nature, which in many aspects determined the sway of living of a European person, as well as the logic of development of almost all elements of the human life. It is also illustrated how the modern European model of world perception, based on the subject-object model, is being surmounted within the contemporary environmentalistic thought. The article explores the philosophical grounds of the new ways of understanding of nature in environmentalism, as well as highlights the major disputes related to his topic. The scientific novelty consists in description of the philosophical foundations of environmentalism that are yet to be completed, and currently presented by several programs with certain advantages and disadvantages. The conclusion is made that within the framework of environmentalism

there is an active process of search and formulation of the new principles of human and social existence, which imply the new ways of understanding of the human-nature relations, and the new types of social activity that include nature into the other contexts of human activity.

Key words: *Hybridism, Subject-object orientation, Binary oppositions, Naturalism, Actor-network theory, Environmentalism, Modern European culture, Human, Culture, Nature.*

Энвайронментализм – это зонтичное понятие, покрывающее целый комплекс идей онтологического, этического, эстетического характера; конгломерат различных экологических концепций, в центре внимания которых находятся природа и система отношений человека и природы. Кроме того, практический аспект энвайронментализма подразумевает специфические социальные и культурные практики, направленные на сохранение и улучшение окружающей среды. Такое расширенное толкование энвайронментализма согласуется с определением, предложенным И.Г. Несыным: «Энвайронментализм, в целом, представляет собой прежде всего общетеоретическую и мировоззренческую ориентацию сознания, в центре внимания которой находится взаимодействие социальных образований со средой обитания, и проявляющуюся в различных сферах теоретизирования (в социологии, философии, праве, этике и т.д.)» [8, с. 1].

Становление энвайронментализма как целостного мировоззрения, предполагающего пересмотр ключевых оснований общественной жизни, необходимо рассматривать как явление закономерное – следствие социально-исторического развития, эволюции общества, смены мировоззренческой парадигмы. Появление и развитие энвайронментальных идей относится к 1970-80-м гг. и связано с целым рядом причин. Здесь прежде всего следует назвать алармистские высказывания экологов о чрезвычайно возросшей антропогенной нагрузке на окружающую среду, основанные на анализе огромного числа фактов, свидетельствующих о развёртывании полномасштабного экологического кризиса, который охватил практически всю экосистему Земли.

Предпосылки экологического сознания можно найти в трудах мыслителей, принадлежащих к различным культурным традициям, – «русский космизм» второй половины XIX в., этико-эстетический подход в охране окружающей среды [12], восточная философия и др. Но как стратегия теоретизирования энвайронментализм начинается с экологической или энвайронментальной этики, развивавшейся в контексте этизации последних десятилетий XX в. Энвайронментальная этика является философской дисциплиной, изучающей моральную позицию человека относительно окру-

жающей среды и её неживых компонентов, а также их самостоятельную ценность и моральный статус [14]. Осуществляемые ею попытки прояснить отношения человека и природы в тех аспектах, которые традиционная этика упускает из виду, привели к формированию нового направления – энвайронментальной философии. Несмотря на то, что Джон Пассмор в своей книге 1974 г. «Ответственность человека перед природой» настаивал, что защита естественной среды может быть аргументирована в терминах классической западной философской традиции, большинство мыслителей настаивают на том, что энвайронментализм являет собой подход, обладающий собственной метафорикой и логикой рассмотрения отношений Человек-Природа. Джим Моран в статье «Три вызова энвайронментальной философии» [15] выделяет главные проблемы, с которыми она должна справиться: преодоление антропоцентристского взгляда на природу и обоснование «внутренней» ценности природы; определение положения человечества по отношению к природе – являемся ли мы равными другим природным существам без особых прав и привилегий или нам отведена главная роль в формировании и управлении природой; описание и обоснование морального статуса и значения, которое мы присваиваем природным объектам и животным. В международном контексте рассуждения о моральном статусе природы и специфической энвайронментальной этике с конца 1980-х – начала 1990-х по сегодняшний день стремятся к разделению на отдельные независимые потоки в рамках энвайронментальной философии. Эти подходы включают «глубинную экологию», экологический феминизм, социальную экологию, «этику Земли», биорегионализм и др.

Среди установок мышления, формируемых энвайронментализмом, главной является преодоление субъект-объектной ориентации во взглядах на природу и общество. Это позволяет рассматривать энвайронментализм в контексте характерного для постмодерной философии отрицания бинарных оппозиций, постструктуралистской критики сплошных структур, «материального поворота» в социологии и расширения влияния объектно-ориентированной онтологии.

Для понимания того, каким образом энвайронментализм противостоит субъект-объектной

ориентации в понимании отношений природы и общества необходимо, прежде всего, определить историческое место тех принципов, которые энвайронментализм пытается преодолеть и в отталкивании от которых он формируется как самостоятельное течение европейской мысли. Основное понятие, вокруг которого строятся размышления представителей энвайронментализма, – это понятие «природы». Потому для понимания специфики идей энвайронментализма необходимо показать, какое значение в европейской мысли играет концепт «природа», как изменяется в истории представление о природе и каким образом природа существовала прежде и существует сейчас в европейском мышлении.

Для исчерпывающего осмысления эволюции представлений о природе можно было бы описать, каким образом природа из греческого *φύσις* превращается в *nature*, затем понимается как тварная природа в Средние века и далее превращается в предмет познания и деятельности. Но для нашего рассмотрения, для задачи определения феномена энвайронментализма, такой исторический экскурс будет, пожалуй, излишним. Нам вполне достаточно будет рассмотреть исторически предшествующий этап понимания природы. А таковым предшествующим этапом является Новое время, в рамках которого сформировался как определённый способ понимания природы, так и ряд других ключевых идей, которые на долгое время станут определяющими принципами существования европейского общества. В Новое время природа актуализируется как нечто естественное, как среда, в которой существует человек и как та основа, на базе которой человек строит свою культуру. Именно в это время реконструируется и начинает по-новому, в новой конфигурации, существовать оппозиция естественное-искусственное, которая эффективно работает в определении отношений природное-культурное, биологическое-социальное и т.д. Сама эта оппозиция имеет достаточно непростую форму. С одной стороны, природное признаётся первичным, подразумевается как полностью очевидное, что без природного не существует культуры и даже указывается на то, что это природное каким-то образом проявляет себя в культурном. Данная идея становится основой для различных философских и мировоззренческих построений. В качестве примера таковых можно привести взгляды Жана-Жака Руссо, который рассуждает о естественном человеке и его моральных качествах. В значительной степени природное у Руссо соотносится с моральным: естественный человек морален, а современный культурный в значительной степени

аморален. Однако сама природа у Руссо существует в первую очередь как природное в самом человеке, действительная же природа является лишь неопределённым и наиболее подходящим фоном для существования этого «естественного» человека. Идеи руссоизма во многом определили специфику понимания естественного и природного в европейской культуре в последующий период и оказали влияние на формирование новых течений мысли, таких, как, например, трансцендентализм. Другим примером мыслителя, актуализировавшего тему природы, является Генри Дейвид Торо. Торо в значительной степени сам был руссоистом и трансценденталистом, однако природа у Торо существует уже как гораздо более определённая. Поскольку Торо был практиком-натуралистом, то природа выступает для него как детализированная, проявленная в различных формах растительной и животной жизни. Интересен, в рамках нашей темы, и тот факт, что Торо был одним из первых мыслителей, кто озвучил идею охраны природы. В качестве крайней формы развития идей Руссо можно упомянуть натурализм как теоретическую концепцию, в рамках которой природное рассматривается как основание культурного. Кроме того, природа в натуралистских концепциях рассматривается как определяющая вектор и динамику развития культурного и социального.

Таким образом, природа понимается в Новое время как нечто сверхзначимое, то, без чего невозможна культура. Однако эта сверхзначимость природы на самом деле оборачивается для новоевропейской культуры сверхзначимостью в том смысле, что природа с трудом включается в систему значений теоретического описания. Новоевропейская культура объявляет природу чем-то принципиально важным, исходным, но определить точное место природы и природного в системе культуры оказывается предприятием весьма затруднительным. В ходе развития идей естественности и природности обнаружилось, что разные авторы понимают эту природность и естественность весьма различным образом. Следовательно, что то, что понимается как природное, на самом деле в значительной мере переработано, осмыслено и исходно определено в системе культурного.

Парадоксальный итог осмысления природы и всего комплекса явлений природного можно зафиксировать следующим образом: Природа оказывается иным самой Культуры, частью культуры, представленной ей для осмысления в качестве якобы внешнего для Культуры. Природное, биологическое в мысли начинает существовать как кантовская «вещь в себе». Природа объявляется

фундаментом и необходимым основанием культуры, существующим как содержательно неопределимое. Данную логику определения сущности природного можно обозначить как логику двуднозначности. Этот принцип двуднозначности раскрывается Жилем Делёзом в его работе «Капитализм и шизофрения». Размышляя о соотношении сознания, книги (сознания) и природы, он задаётся вопросом: «Одно, которое становится двумя. Как закон книги мог бы присутствовать в природе, коли он управляет самим разделением между миром и книгой, природой и искусством?» [3, с. 9]. С одной стороны, возникает бинарная оппозиция природного и культурного, с другой – один из элементов этой оппозиции существует как практически полностью подавляющий и вытесняющий второй элемент. Природа оказывается тем элементом, на который в своих размышлениях европейский мыслитель всегда может сослаться для того, чтобы указать, что в мире существует не только культура, цивилизация, социальность, но и ещё что-то. В сущности, природное оказывается для Культуры чем-то, что сама Культура полагает в качестве своего Иного, своего основания.

По сути, новоевропейская Культура не столько признаёт наличие «внешней» Природы, сколько сама её конструирует в качестве «первичной» реальности исходя из собственных положений. Ссылаясь на эту «первореальность», Культура оправдывает себя посредством полагания этой фиктивной первичности, которая ею же и создаётся. Природа в этой конструкции выступает как дерридианское «дополнение». Такое «дополнение» («supplement») – это то, что может быть одновременно и добавлением к чему-то полному, т.е. никому не нужным излишком и даже помехой этому основному, и в тоже время он является излишком лишь в силу того, что этот избыток оказывается другим по отношению к основе, другим, поскольку он представляет собой некое иное целое, представленное в усечённой форме. Такой избыток – это одновременно и избыток, ненужный аппендикс, протез, но, в тоже время pro-tesis, исходный тезис, другое основание, которое можно обозначить в качестве необходимого условия функционирования системы в целом.

Природа в Новое время начинает существовать как подобный избыток. Монологичность новоевропейской культуры, существующей на основе субъект-объектной картезианской модели, подталкивает к тому, чтобы видеть в Природе не очень совершенного двойника сознания и духа. Подобный взгляд неизбежно возникает в силу того, что новоевропейский субъект в принципе

монологичен, что становится предметом размышлений для М. Бубера, Э. Левинаса, Ж.-Л. Нанси и ряда др. С другой стороны, признать собственную монологичность новоевропейский субъект не готов, он ищет нечто внешнее по отношению к себе – Бога, Природу, Другого субъекта и т.д., которых он вписывает в систему самоописания как необходимый и оправдывающий элемент. Интересно в данном контексте обратить внимание на то, что даже система права как система внутренних для социума регуляторов деятельности субъектов не обошлась без такого полагания «внешних» по отношению к обществу оснований в виде «естественного права».

Определённую роль в укреплении этой двуднозначной структуры играют науки и особенно естественные науки. Во-первых, естественные науки обозначают природу как основной объект своего изучения. Все другие науки долгое время вынуждены были ориентироваться в своей форме на естественные науки и внутри себя воспроизводить те структуры знания, которые подразумевали этот определённый тип интенциональности. Во-вторых, научное знание Нового времени основывается на различении объективного и субъективного в познании, а объективное в знании соотносится в первую очередь с природой и её законами. В результате сциентистская установка оказывается работающей на признание Природы в качестве независимого от человека объекта. Вместе с тем, тот факт, что наука сама является феноменом культуры, долгое время игнорировался, что нашло своё отражение в позитивистских эпистемологических концепциях Нового времени.

Следовательно, экологическая проблематика в рамках новоевропейского мышления – это, в сущности, тема самой Культуры, Власти, Политики. Экологические проекты существуют в этой новоевропейской системе координат как проекты, направленные на поддержание жизни человека, социума. В этой системе координат Природа лишь то необходимое внешнее, Другое Культуры, которое необходимо для её существования. Природа сама по себе, как нечто реальное, обладающее самостоятельностью в возможности раскрывать новые смыслы её бытия или бытия общества, отсутствует. Данную проблемность экологической мысли фиксирует такой современный мыслитель, как Бруно Латур. В своей статье «Политика природы» он размышляет над тем, каким образом в современном мире возможна политическая экология. Латур справедливо указывает на то, что «...природа становится познаваемой посредством науки; она формируется через сети инструментов; она определяется посредством

профессий, дисциплин и форм регистрации данных; она распространяется через базы данных; она аргументируется посредством сообщества учёных. Экология, как указывает само название, не имеет непосредственного доступа к природе такой, какая она есть; она представляет собой такую же «логию», как и все научные дисциплины» [6].

Таким образом, можно зафиксировать одну линию формирования представлений о природе. Другая линия, другой вектор сил, формирующий образ природы в Новое время, связан с изменением формы существования власти и переоценкой всей системы знания. Данный момент хотелось бы особенно актуализировать, поскольку в контексте осмысления логики развития представлений о природе он прежде в научной литературе практически не рассматривался. Развитие определённых форм знания, в частности биологии и медицины, привело к возникновению биовласти и биополитики. В своих работах Мишель Фуко вводит понятие «эпистемы». Самым общим образом «эпистему» можно определить как систему знаний, понятий, возникающую в конкретный исторический период в конкретной культуре и связанную с определённой системой власти. В Новое время возникает новый тип социальной организации и новый тип власти. Он основан, с точки зрения Фуко, прежде всего, на механизмах контроля над человеческим телом. Для того чтобы эти механизмы были эффективными, необходимо было, чтобы биология и медицина стали автономными и эффективными формами знания. Кроме того, необходимо было, чтобы сформировались новые способы классификации и организации знания о формах телесного поведения человека. «В классический век произошло открытие тела как объекта и мишени власти. Не составляет труда найти признаки пристального внимания к телу – телу, которое подвергается манипуляциям, формированию, муштре, которое повинует, реагирует, становится ловким и набирает силу» [10, с. 198]. В Новое время, в результате, формируется представление о теле как о чём-то, что включено в систему властных социальных коммуникаций. Естественная телесность, признаваемая властью в качестве естественной, на самом деле помещается властью в сеть дисциплинарных пространств, позволяющих осуществлять эффективный контроль над телом. «Методы, которые делают возможным детальнейший контроль над действиями тела, обеспечивают постоянное подчинение его сил и навязывают им отношения послушания-полезности, можно назвать «дисциплинами»» [10, с. 200]. Власть в эту эпоху уже не может оставить тело без присмотра, так как от способа функционирования

тел зависит конечная эффективность Власти и Государства. Мишель Фуко также справедливо обращает внимание на то, что в практике контроля над телом даже сексуальность оказывается, в конечном итоге, включена властью в систему контроля. Сексуальность, по мнению Фуко, никогда в европейском обществе не была репрессирована, наоборот, она была, как раз изобретена новоевропейским обществом как одна из форм контроля над желанием человека. Потому способ существования сексуальности воспроизводит ту же логику естественного и искусственного: сексуальность в Новое время культивируется и социально конструируется, но выдается за что-то естественное. Представление о значимости «человеческого ресурса» также возникает в эту эпоху. Государство заинтересовано в том, чтобы как с точки зрения количества, так и с точки зрения качества этот ресурс соответствовал его потребностям. Как результат актуализации тела в качестве важного элемента в системе воспроизводства власти, в данную эпоху возникают и культивируются в представления о природе как среде, в которую данное тело помещено. Отсюда вполне понятным становится то, что интерес власти к природе вовсе не является спонтанным или возникшим лишь на основе интереса к «природным ресурсам». Данный интерес в своей основе имеет вполне понятные истоки: необходимо было в системе регуляции и контроля тел включить в эту систему также и природу.

Для того чтобы повысить эффективность контроля над телом, представление о естественном, природном связывается с представлением о нормальном, правильном, законном. Таким образом, Природа, естество (nature), понимаемая как норма, означает нормальное, натуральное, естественное для отдельного человека или общества в целом [13]. А.О. Лавджой различает более чем шестьдесят шесть различных определений этого понятия, каждое из которых может быть основой как похвалы, так и порицания. Но многозначность слова «природа» становится более явной, когда мы думаем об идеях, противоположных ему по смыслу – сверхъестественное, искусство, обычай, пост-примитивное, в отличие от примитивного. Природное, естественное, на контрасте, проясняет, что значит искусственное. Таким образом, можно заметить, что в философском осмыслении понятия природы уже присутствует противопоставление культуре как чему-то сверхприродному. Это положение является одним из ключевых моментов энвайронментальной критики. Энвайронментализм пересматривает традиционное представление о границах «мира природы» и «мира культуры».

В различных науках, рассматривающих взаимодействие человека и среды (природы), наблюдается тенденция к раздельному рассмотрению элементов этой системы, а также признанию одного из них в качестве главного, доминирующего. Н.Н. Киселев отмечает, что при анализе отношений «человек – среда» выделяются следующие установки: «1) организм и условия его существования рассматриваются как нечто рядоположное; отсюда возникает реальная возможность абсолютизации автономности того или другого; 2) эта абсолютизация ведёт к тому, что одна сторона отношения “организм – среда” становится атрибутом “внутреннего”, а другая – “внешнего” (собственно, формы и содержания); 3) внимание концентрируется не на собственно отношении “организм – среда”, а на обосновании ведущей роли одной из сторон» [5, с. 61]. Данные тенденции наблюдаются и в науках, исследующих систему «человек – природа», и проявляются при самом определении предмета той или иной науки, а также в её исследовательских приоритетах. Вышеописанные тенденции характерны для большинства методологических установок изучения природы как в прошлом, так и в настоящем. Ф. Дескола констатирует: «Образованные люди перестали видеть в природе нечто, объединяющее самые разные явления. Каждое из природных явлений стало рассматриваться самостоятельно, как развивающееся по своим собственным законам. Природа стала для человека только фоном, на котором переливаются и оттеняются его собственные дела и он считает, что может управлять природой по своему желанию. Общими усилиями человечество породило новое представление о мире и вселенной, и эта новая космология определила рамки научного познания. И сейчас, в начале XXI века, мы всё ещё бессознательно держимся за эти рамки. Современный человек смотрит свысока на наивные воззрения древних, считавших, что природу можно судить по её собственным законам» [4, с. 7].

Как уже отмечалось, энвайронментализм стремится преодолеть оппозицию «природа / культура» для возможности синтеза естественнонаучного и социально-гуманитарного подходов в рамках формирования целостного воззрения на человека. Ж.-М. Шеффер настаивает, что эта дихотомия стала когнитивным препятствием для социальных и гуманитарных наук, так как попытки обосновать ею человеческую специфичность заводят в тупик. Тем не менее, она стала настолько естественной, что крайне редко осознаётся как проблематичная, так как прочно укоренена в европейской традиции. «В самом деле, можно не сильно преувеличивая ска-

зать, что оппозицией природа / культура структурировались главные построения новоевропейской философии, начиная с Декарта» [11, с. 184]. По мнению Шеффера, она является неизбежным следствием господства тезиса о человеческой исключительности и потому, является главным дискурсом, посредством которого наша культура осуществляла саморефлексию. Несмотря на различия и часто очень тонкие нюансы в понимании этой оппозиции, направления социологии и культурологии отличаются всё более выраженным антинатурализмом. Хотя отдельными авторами предпринимались интеграционистские, а не сегрегационистские попытки обоснования человеческой идентичности, различие биологического и культурного утверждается повсеместно. Среди приведших к этому причин можно выделить приверженность тезису о человеческой исключительности, текстологический поворот семидесятых, воздействие релятивистских и деконструкционистских эпистемологий, развитие социобиологии.

Восстановлению целостного взгляда на человека и природу, на их взаимосвязь посвящена монография Жана-Мари Шеффера «Конец человеческой исключительности». В ней он предлагает концепцию нового натурализма, направленную на опровержение тезиса о том, что человек обладает статусом, радикально отличным от статуса всех прочих существ, и настаивает на том, что культурное и социальное бытие вовсе не исторгают человека из биологического бытия, а служат его особыми аспектами или параметрами. Шеффер утверждает, что отказ от тезиса о человеческой исключительности «позволяет прочертить основные линии целостного подхода к фактам человеческой жизни, ни на миг не ставя под сомнение особого, ни к чему не сводимого характера социальных и культурных фактов. Следует лишь избавиться от дуалистических предположений, и прежде всего от оппозиции между “природой” и “культурой”» [11, с. 13].

Шеффер отстаивает «банальный натурализм»: «то, что культура природный факт, просто означает, что она составляет часть видовой биологической идентичности человека. Из этого не вытекает никакой редукционистской установки с моей стороны, а стало быть, это не обязывает меня сводить культуру к какому-либо другому аспекту человеческой биологии (таким, например, как борьба за выживание, приспособление и т.д.) Фактически в такой диффузионистской перспективе различие “природы” и “культуры” и не является оппозицией... Оно всего лишь выражает (смутно) различие между тем, что относиться к соматической и экзо-

соматической сфере, т.е. отсылает к проблеме спецификации человеческой реальности» [11, с. 189].

Интересно, что критика натурализма Шеффера исходит из лагеря объектно-ориентированной онтологии. Грэм Харман: «Натурализм может сколько угодно называть себя нередукционистским, но он всегда должен давать привилегию природе как фундаменту чего угодно. Даже если некоторые объекты абсолютно ненатуральны или искусственны, натурализм всё равно должен рассматривать их так же, как ДНК, шимпанзе или лесные ягоды. В конечном счёте, объектно-ориентированная онтология исследует существующие между объектами и их качествами трещины, о которых ничего не может сказать ни одна форма натурализма» [7]. Таким образом, объектно-ориентированная онтология противостоит наивному реализму, подразумевающему существование мира вне сознания и возможность его познания.

Объектно-ориентированная онтология является частью более широкого философского направления спекулятивного реализма, и Грэм Харман – один из главных её представителей.

Эта концепция утверждает существование объектов вне человеческого восприятия и ставит отношения между любого рода объектами, одушевлёнными и неодушевлёнными, на один уровень, что означает полный отказ от антропоцентризма. Как замечает Харман: «...объект всегда избыточен, ни в одной ситуации не выражен полностью» [7], – ни практическое использование или «подручность» Хайдеггера, ни попытки теоретизирования не исчерпывают реальности объектов; объекты остаются удалёнными, зашифрованными, скрытыми друг от друга, однако, как и наше сознание, каждый объект искажает объекты, связанные с ним.

Онтикология, представленная философом Леви Р. Брайантом, также берёт своё начало в объектно-ориентированной онтологии, но, по мнению автора, обосновывает окончательное освобождение объекта от субъекта, точнее, предполагается, что не существует ничего кроме объектов, в число которых включаются и субъекты. При этом он подчёркивает, что, опираясь на принципы онтикологии, «в мышлении бытия мы переключаемся с двух несоизмеримых миров, природы и культуры, на разнообразные коллективы объектов» [1].

На близких позициях к Брайанту стоит американский философ Тимоти Мортон. В своей книге «Экология без природы» [16] Мортон утверждает, что главным камнем преткновения для экологического мышления является сам образ природы. Мортон описывает кажущийся парадокс: чтобы сформировать подлинно экологическое миро-

воззрение, мы должны отказаться от самой идеи природы раз и навсегда. Суждения Мортон о природе оформились в идею о «тёмной экологии» (DarkEcology), подразумевающей, что все объекты, в том числе природные, и связи между ними всегда ускользают от окончательного определения и не позволяют свести встречу с ними к искусственной схеме. Философ утверждает, что все формы жизни связаны в огромную и запутанную сеть, и ни одно существо, конструкт или объект не может существовать вне этой энвайронментальной взаимосвязи. Мортон полагает, что и «Природа» не существует как сущность отдельно от синтетических элементов жизни. Понимание этой взаимосвязанности автор называет экологическим мышлением [18]. Онтологическая концепция Мортон выражается в теории «гиперобъектов»: гиперобъекты не соразмерны людям, они сопротивляются адекватному восприятию до такой степени, что невозможно утверждать, существуют ли они в данный момент. Гиперобъекты проходят сквозь людей, поглощают их таким образом, что не остаётся ничего внешнего по отношению к ним [17].

Другим подходом, примыкающим к объектно-ориентированной онтологии, стремящимся по-новому осмыслить взаимодействия человека и окружающей среды, является акторно-сетевая теория Бруно Латура, стоящая у истоков «материального поворота» в социологии [2] и позволяющая соотносить её с ключевыми установками энвайронментализма. Елена Трубина характеризует акторно-сетевую теорию следующим образом: она представляет собой концептуальную рамку, в которой переосмысливаются взаимосвязи, отношения и «со-конструкции», которые объединяют людей, другие живые организмы и вещи, т.е. естественные, технические и социальные феномены и процессы, как возникающие взаимосвязано. Акторно-сетевая теория избегает традиционного дуализма «природа-общество» за счет принципиальной гибридности большинства изучаемых феноменов, не только научных, но и вообще входящих в спектр человеческих забот [9, с. 152-153]. Бруно Латур так же, как и Леви Р. Брайант, как и Тимоти Мортон, вскрывает в современном энвайронментализме те противоречия, которые возникают в нём в силу того, что он некритически воспроизводит новoeвропейскую логику разделения субъекта и объекта. Как следствие, такая программа приводит либо к абсолютизации роли природного в жизни человека и общества, либо, наоборот, к психологизации природы. «Если слишком уступать фактам, то человек окажется полностью низвергнут в объективность, превратится в вещь, которая подлежит

учёту и может быть исчислена, в энергетический баланс, в один из биологических видов. Если слишком уступать ценностям, тогда природа окажется полностью низвергнутой в неопределённый миф, в поэзию, в романтизм; всё станет душой и разумом» [6]. Латур подчёркивает, что попытка создать политику природы, выстроенную на прежних основаниях, с неизбежностью сталкивается с неразрешимыми противоречиями. Политика, по его мнению, всегда была политикой природы, в том смысле, что политика всегда включала природу в свое поле. В тот момент, когда экологически ориентированные мыслители пытаются представить природу как нечто, имеющее самоценный характер, они забывают, что сама экология возникает как «логия», опирающаяся на систему естественнонаучного знания. «Вера в то, что она [политика природы] интересуется природой, является детской болезнью политической экологии, тем, что мешает ей выйти из состояния беспомощности и наконец-то осознать то, чем она занимается» [6]. Для того чтобы политика природы стала эффективной, она должна учесть взаимосвязь процессов производства, науки и политики. В итоге, по Латуру, «...мы должны заново сконструировать три взаимосвязанных понятия – природу, политику и науку» [6]. Для этого нужно изменить саму разметку политического поля, основанную на предположении, что политика и природа существуют как изначально различные реальности, которые затем нужно связать политикой природы.

«Политическую экологию можно характеризовать не через кризис природы, но через кризис объективности. Объекты, свободные от риска, “гладкие” объекты, к которым мы были приучены до сих пор, уступают место рискованным присоединениям, “запутанным” объектам» [6]. В теории Б. Латура «запутанный» или «гибридный объект» – это объект, который возникает как сочетающий в себе природное, политическое и научное. По Латуру, политическая экология уже делает на практике всё то, что она должна делать, поскольку она является, в первую очередь, не теорией, а практикой работы с такими гибридными объектами.

По нашему мнению, Леви Р. Брайант, Тимоти Мортон, Бруно Латур уже являются представителями нового типа мышления, в рамках которого произошёл отказ от разделения природного и культурного, объективного и субъективного. Формируются новые точки кристаллизации конвергентных полей знания, в которых данные бинарные оппозиции уже оказываются преодоленными. Понятие «гибридного объекта» Латура само во многом является симптомом подобного

выхода за пределы классических неразрешимых оппозиций. Гибридность, заявленная Латуром, работает уже не только как социологическая установка, но как принцип существования современного общества. Возникают не только гибридные объекты, но и гибридные, конвергентные формы мировоззрения (этика и онтология сливаются, создавая экологическую этику, выстроенную на новых онтологических основаниях), формируются новые сферы научного знания, сочетающие в себе элементы разных наук и разных подходов. Современные учёные уже не просто размышляют о законах природы, а говорят о необходимости учитывать включенность самого человека в природу. Понятие «антропного принципа» пусть и не является в настоящее время чем-то ясно определённым, но вполне ясно обрисовывает направленность современных размышлений. Пересматриваются классические представления об объективности научного знания, раскрываются его различные социальные и культурные контексты существования научного знания. Энвайронментализм же, включаясь в споры о сущности науки, в итоге актуализирует новые смыслы в понимании отношения природного и культурного. Наконец, меняется и представление о телесности, которая становится вдвойне гибридной: во-первых, телесность понимается как то, что возникает в результате столкновения научного знания, политических практик, во-вторых, развитие биотехнологий приводит к конвергенции тел и технологических протезов, создавая тело в новых границах и формируя новые пространства как условия их существования. Преодоление оппозиции природное-культурное в том числе приводит и переосмыслению смысла понятие «природа», которое теряет своё единство и начинает существовать в других понятийных контекстах как гетерогенное и множественное. Симптомом этой гетерогенности во многом и оказывается сам энвайронментализм, который существует не как единое течение, а как комплекс весьма различных идей, по-разному проявленных в различных сферах социальности. Сложность способа существования данного явления ставит философию и общественные науки в целом перед вызовом осмысления феномена энвайронментализма как течения современной мысли, в котором соединилось всё множество различных подходов к пониманию отношений человека и природы и перед вызовом разработки на основе наиболее ценных идей, возникших в рамках энвайронментализма, общеметодологических принципов анализа и решения экологических проблем.

Список литературы:

1. Брайант Л.Р. На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос. 2014. № 4(100). С. 295-292. URL: http://logosjournal.ru/arch/76/100_18.pdf.
2. Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Вахштайн В. Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 7-39.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
4. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
5. Киселев Н.Н. Объект экологии и его эволюция: Филос.-методол. аспект. Киев: Наукова думка, 1979. 135 с.
6. Латур Б. Политика природы // Неприкосновенный запас. 2006. № 2(46). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/la3.html>.
7. Наранович С. «Мы живём внутри метафизики»: интервью с Грэмом Харманом // Метрополь, 2015. URL: <http://mtrpl.ru/graham-harman>.
8. Несын И.Г. Экологизация сознания как философский аспект энвайронментализма: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск: [б. и.], 2003. 22 с.
9. Трубина Е.Г. Город в теории. Опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 518 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
11. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности М.: Новое литературное обозрение, 2010. 390 с.
12. Этико-эстетический подход в охране дикой природы и заповедном деле: Сб. ст. / Сост. В.Б. Борейко, Е.А. Симонов, Н.Р. Данилина. Б.м., 1997. URL: <http://www.ecoethics.ru/old/b10/>.
13. Boas G. Nature // Dictionary of the History of Ideas. URL: <http://xtf.lib.virginia.edu/xtf/view?docId=DicHist/uvaBook/tei/DicHist3.xml;chunk.id=dv3-44;toc.depth=1;toc.id=dv3-44;brand=default>.
14. Brennan A. Lo Yeuk-Sze. Environmental ethics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/ethics-environmental/#TraEthTheConEnvEth>.
15. Moran J. Three challenges for environmental philosophy // Philosophy now. 2012. Issue 8. URL: https://philosophynow.org/issues/88/Three_Challenges_For_Environmental_Philosophy.
16. Morton T. Ecology without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge: Harvard University Press, 2007. 249 p.
17. Morton T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 229 p.
18. Morton T. The Ecological Thought. Cambridge: Harvard University Press, 2010. 184 p.

References (transliterated):

1. Braiant L.R. Na puti k okonchatel'nomu osvobozhdeniyu ob'ekta ot sub'ekta // Logos. 2014. № 4(100). S. 295-292. URL: http://logosjournal.ru/arch/76/100_18.pdf.
2. Vakhshtain V. Sotsiologiya veshchei i «povorot k material'nomu» v sotsial'noi teorii // Vakhshtain V. Sotsiologiya veshchei. M.: Territoriya budushchego, 2006. S. 7-39.
3. Delez Zh., Gvattari F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.
4. Deskola F. Po tu storonu prirody i kul'tury. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 584 s.
5. Kiselev N.N. Ob'ekt ekologii i ego evolyutsiya: Filos.-metodol. aspekt. Kiev: Naukova dumka, 1979. 135 s.
6. Latur B. Politika prirody // Neprikosnovennyi zapas. 2006. № 2(46). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/la3.html>.
7. Naranovich S. «My zhivem vnutri metafiziki»: interv'yu s Gremom Kharmanom // Metropol', 2015. URL: <http://mtrpl.ru/graham-harman>.
8. Nesyn I.G. Ekologizatsiya soznaniya kak filosofskii aspekt envaironmentalizma: Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Tomsk: [b.i.], 2003. 22 s.
9. Trubina E.G. Gorod v teorii. Opyty osmysleniya prostranstva. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 518 s.
10. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. M.: Ad Marginem, 1999. 478 s.
11. Sheffer Zh.-M. Konets chelovecheskoi isklyuchitel'nosti M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 390 s.
12. Etiko-esteticheskii podkhod v okhrane dikoi prirody i zapovednom dele: Sb. st. / Sost. V.B. Boreiko, E.A. Simonov, N.R. Danilina. B.m., 1997. URL: <http://www.ecoethics.ru/old/b10/>.
13. Boas G. Nature // Dictionary of the History of Ideas. URL: <http://xtf.lib.virginia.edu/xtf/view?docId=DicHist/uvaBook/tei/DicHist3.xml;chunk.id=dv3-44;toc.depth=1;toc.id=dv3-44;brand=default>.
14. Brennan A. Lo Yeuk-Sze. Environmental ethics // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/ethics-environmental/#TraEthTheConEnvEth>.
15. Moran J. Three challenges for environmental philosophy // Philosophy now. 2012. Issue 8. URL: https://philosophynow.org/issues/88/Three_Challenges_For_Environmental_Philosophy.
16. Morton T. Ecology without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge: Harvard University Press, 2007. 249 p.
17. Morton T. Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 229 p.
18. Morton T. The Ecological Thought. Cambridge: Harvard University Press, 2010. 184 p.